КАЛУЖСКІЕ ГУБЕРНАТОРЫ.

(Изъ воспоминаній П. В. Сахарова).

Въ бумагахъ покойнаго Николая Васильевича Сахарова, принадлежащихъ мнѣ, находится очеркъ губернаторовъ, при которыхъ онъ жилъ въ Калугѣ. Свою служебную карьеру П. В. началъ въ этомъ городѣ въ дореформенное время. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ губернаторство В. А. Арцимовича онъ былъ правителемъ канцеляріи начальника губерніи, состоя въ то же время секретаремъ Губернскаго Правленія. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1861 г. на него возложено было въ Козельскомъ уѣздѣ, мѣстѣ его родины, объявить Манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостного права и раздать Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Объявленіе воли, благодаря умной распорядительности губернатора, прошло въ Калужской губерніи весьма благополучно, хотя эта губернія переполнена была крѣпостниками. Только въ имѣніи генерала С. И. Мальцова, владѣльца огромныхъ имѣній и 20 тысячъ крѣпостныхъ въ Калужской и Орловской губ., послѣдовалъ крупный инцидентъ, грандіозный, говоря словами П. В., „фактъ проявленія стародворянскаго самовластія, протестъ противъ золотой исторической хартіи и противъ великаго акта освобожденія крестьянъ отъ вѣковой крѣпостной зависимости“. Едва командированный изъ Калуги въ Жиздринскія имѣнія Мальцова чиновникъ М. А. Дометти 11 марта объявилъ Манифестъ и роздалъ крестьянамъ экземпляръ Положеній, какъ Мальцовъ, недолго думая, заковалъ въ кандалы восемь человѣкъ своихъ крестьянъ и чрезъ Мещовскъ послалъ ихъ къ свитскому генералу Кознакову, который командированъ былъ изъ Питера спеціально для наблюденій за обнародованіемъ воли въ Калужской губерніи. Въ письмѣ онъ предлагаетъ: „высланныхъ зачинщиковъ, 8 человѣкъ, немедля отдать годныхъ въ солдаты и сослать на Кавказъ, а негодныхъ на поселеніе“. „Изъ нихъ, добавляетъ онъ, слѣдовало бы, для большаго примѣра, главныхъ зачинщиковъ, Вьюшкова и Платона Фераонтова, сверхъ того наказать въ присутствіи тѣхъ, кои были ими сведены на возмущеніе и обнадежили, что ничего не будетъ, что уже не имѣютъ болѣе права наказывать и что они вернутся и тогда выместятъ на тѣхъ, кои идутъ противъ міра, какъ они называли свою шайку. Наказать нужно такъ, чтобы это осталось на долго въ воспоминаніи“.

Злоупотребленіе Мальцовымъ крѣпостной властью, въ моментъ ея отмѣны, возбудило большіе толки въ обществѣ. При разсмотрѣніи этого дѣла въ Калужскомъ Губернскомъ Правленіи вполнѣ выяснилась полная невиновность крестьянъ и самоуправство

Мальцова. Вслѣдствіе ходатайства послѣдняго въ высшихъ сферахъ, дѣло это изъято было изъ Калуги и по Высочайшему повелѣнію назначена была комиссія о безпорядкахъ на Мальцовскихъ заводахъ. Комиссіи должна была сознаться, что во время слѣдствія не представлено Мальцовымъ никакихъ данныхъ виновности восьми закованныхъ человѣкъ, будто бы дававшихъ поводъ къ какимъ либо безпорядкамъ или волненіямъ въ имѣніи Мальцова.

Потерпѣвшіе крестьяне были оправданы. Государь на журналѣ Главнаго Комитета въ 20-й день декабря 1861 года соизволилъ написать собственноручно: „Исполнить, но генералъ-майору Мальцову сдѣлать отъ моего имени строгій выговоръ за самоуправныя его дѣйствія и объявить, что если таковыя повторятся, то онъ подвергнется всей строгости закона".

Самоуправство Мальцова отразилось въ концѣ концовъ тяжелымъ гнетомъ на несчастныхъ людяхъ, повинныхъ лишь тѣмъ, что они попали между молотомъ и наковальней. Они прожили въ Брянскѣ, въ разлукѣ съ своими семьями, безъ дѣла, безъ заработковъ, на двадцатикопѣечномъ Мальцовскомъ пайкѣ, почти восемь мѣсяцовъ, когда Главный Комитетъ соблаговолилъ, наконецъ, дозволить имъ вернуться на свои родные, но, вѣроятно, уже не милые имъ заводы. Но и здѣсь они не оставлены были въ покоѣ. По распоряженію Комитета, они должны были находиться подъ *особымъ* надзоромъ мѣстной полиціи, и въ силу взятой съ нихъ подписки о добропрядочномъ поведеніи, ежеминутно могли ожидать, что каждое неосторожное слово, даже подслушанная агентами Мальцова жалоба, въ разговорахъ съ пріятелями, на его жестокость, на все, что они выстрадали отъ него, будутъ перетолкованы въ качествѣ возбужденія къ мятежу, и ихъ подвергнутъ изгнанію съ родины и безконечнымъ терзаніямъ.

Калужское Губ. Присутствіе хотѣло въ „Губ. Вѣд." напечатать ходъ этого дѣла, получившаго большую огласку не только въ Россіи, но и заграницей, гдѣ превратно толковалось.

Но „бюрократическій акробатъ высшихъ сферъ" по выраженію Н. В., м. вн. дѣлъ Валуевъ нашелъ неудобнымъ огласить это дѣло. И только въ 1904 въ сборникѣ памяти Арцимовича, во 2-мъ отдѣлѣ (Калуга. 1858—1863) напечатано „дѣло генерала Мальцова", рядомъ съ статьями Н. В. объ „Объявленіи воли въ Калужской губ." и „Ревизіи А. Х. Капгера въ Калугѣ".

Самому Н. В. пришлось объявить въ Козельскомъ уѣздѣ Манифестъ въ четырехъ приходахъ и развозить Положенія по 27-ми деревнямъ. Онъ видѣлъ массу крестьянъ, живо интересовался впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нихъ новымъ закономъ. Но замѣчательно то, что ему не приходилось наблюдать „восторговъ". И всякаго рода донесенія „о восторгахъ и благоговѣйной радости" изъ другихъ уѣздовъ онъ относитъ на счетъ „чиновничьяго желанія преподности губернатору букетъ своего краснорѣчія или стародворянской галантности, сказать лишь что нибудь пріятное тамъ, гдѣ это нужно, и тѣмъ выгодно отрекомендоваться въ качествѣ пріятнаго человѣка".

„Чтеніе Манифеста, по словамъ Сахарова, крестьяне слушали безмолвно и съ какою то окаменѣлою неподвижностью, стараясь не проронить ни одного слова, ни одного звука и не нарушать тишины ни движеніемъ, ни шорохомъ... Они все старались поймать тотъ моментъ, когда, наконецъ, вылетитъ изъ устъ чтеца, и они поймутъ радостно то завѣтное „слово о волѣ", котораго они такъ долго и такъ томительно ждали, изъ за котораго столько поколѣній выстрадало столько безпощадныхъ, позорныхъ мученій, для котораго готовили и берегли въ своей безпросвѣтной, изболѣвшей душѣ всѣ небогатые запасы способности радоваться, всѣ свои лучшія, свѣтлыя упованія".

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при объявленіи Манефеста о волѣ проглядывало, по словамъ Н. В., и „недовѣріе".

Горячій защитникъ крестьянъ, во очію видѣвшій всѣ невзгоды крѣпостной отчизны, Н. В. въ своихъ воспоминаніяхъ особенно рельефно рисуетъ тѣ впечатлѣнія, которыя переживали крестьяне при объявленіи воли. Это цѣлый рядъ бытовыхъ правдивыхъ картинъ, которыя перечитываются и нынѣ съ интересомъ.

Отмѣтимъ два-три эпизода изъ этой поѣздки. „Ночь была тихая, безлунная, но звѣздная и морозная", когда выѣхалъ Н. В. изъ Калуги въ Козельскъ.

„Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, но тьма не объяла его, невольно напрашивалось на память, въ связи съ нашей миссіей",—пишетъ Н. В.,—„внести свѣтъ свободы и новой жизни въ крѣпостную деревенскую тьму. Еще одна и послѣдняя ночь и надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ прекрасная заря, и увидимъ мы народъ неугнетенный и „рабство, навшее по манію Царя". Святая хорошая ночь. Она живо помнится еще и теперь, чрезъ 38 лѣтъ..."

По дорогѣ ямщикъ разговорился съ Н. В.

—А хоть что вы волю везете?

Н. В. не скрылъ, что дѣйствительно везетъ волю.

—Ну, слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Господи! дождались и мы свѣтлаго дня. Теперь и мы станемъ свои. А то и рождались чужіе и умирали чужіе. Все ты былъ чей-то, а теперь вотъ дождались, слава Богу, и свой сталъ... Живи цѣлый вѣкъ, какъ горохъ при дорогѣ: кто ни пройдетъ, всякъ щипнетъ. Всякая корова клевала... А теперь... Ну, ужъ вѣкъ буду помнить эту ночку.

На лошадей ямщикъ уже не кричалъ,какъ въ началѣ дороги, не стегалъ ихъ кнутомъ, а сталъ называть: котяточки, вольныя дѣтки.—„Эй вы, котяточки, покачивай! Чуете-ли дѣтки, что крестьянинъ сталъ вольный? Эй, вы, вольныя, дѣйствуй!"

Къ сѣдоку онъ не относился уже, какъ раньше, „съ рабскимъ подобострастіемъ" и не говорилъ нѣвучнымъ голосомъ: „а насмѣлюсь спросить васъ" и проч., а сталъ говорить своимъ естественнымъ голосомъ и сталъ называть Н. В. „батюшкой", „милымъ человѣкомъ".

— „Ну а что же, милый человѣкъ, какъ же теперь господа будутъ, на какой значитъ аканціи? Мужиковъ теперь отъ нихъ шабашъ! Куда они тогда дѣнутся. Мы такъ промежъ себя думаемъ: покеда какое дѣло, царь ихъ посадитъ на мѣсячину, чтобы мужики кормили ихъ по дворамъ, а потомъ посадитъ ихъ на вольныя земли. Сначала, къ примѣру, я откормлю ихъ недѣлю такъ, или мѣсяцъ, а потомъ другой дворъ откормитъ тоже недѣлю, или сколько будетъ положено, а тамъ третій. Обойдетъ всѣ дворы, а потомъ опять ко мнѣ, покеда погонятъ на вольныя земли. Все равно, какъ пастуховъ мы кормимъ по деревнямъ: изъ двора во дворъ. И господамъ вѣдь тоже надо пить-ѣсть. Чѣмъ-же они причинны, что родились въ господахъ. Хоть и насолили они нашему брату. Э—э—эхъ, да и круто насолили! А вѣдь тоже милая тварь хочетъ—пить-ѣсть".

Когда Н. В. пріѣхалъ на слѣдующую станцію и сталъ давать обычное „на водку", ямщикъ и слышать не хотѣлъ этого. Онъ даже отступилъ отъ Сахарова и замоталъ руками.—„Да что вы, что вы, господинъ? Да и какъ это можно! Такую благодать намъ везете, и мы съ васъ деньги? И никакъ это не можно. Да мы сами должны ублаготворить васъ, а не то что.

„Такъ и не взялъ".

Я довольно подробно остановился на эпизодѣ объявленія воли въ Калужской губерніи. Это одна изъ страницъ, такъ сказать, автобіографіи первыхъ годовъ служебной дѣятельности Н. В. Сахарова.

Съ открытіемъ новаго суда, Н. В—ъ назначается слѣдователемъ по Козельскому уѣзду, а съ 1874 дѣлается судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ въ Москвѣ, гдѣ ему пришлось провести цѣлый рядъ слѣдствій, интересныхъ въ историческомъ, бытовомъ и психологическомъ отношеніи.

Имъ ведено было дѣло о взрывѣ полотна Моск.-Курской ж. дороги 19-го ноября 1879 года, виновникъ каковаго преступленія, Гартманъ, какъ извѣстно, бѣжалъ заграницу. Другое громкое дѣло о казначеѣ воспитательнаго дома Мельницкомъ, присвоившемъ 307 т. рублей. Огромныхъ толковъ, массу недоразумѣній вызвало дѣло объ изнасилованіи Черемновой, вызвавшее у ней умственное разстройство съ меланхолическимъ оттѣнкомъ, непосредственнымъ слѣдствіемъ котораго было самоубійство ее на ступеняхъ храма Христа Спасителя. Виновникъ этого гнуснаго преступленія, нотаріусъ Назаровъ, посаженъ былъ въ концѣ-концовъ на скамью подсудимыхъ и обвиненъ, единственно по необыкновенно толковой, умѣлой *характеристикѣ*, сдѣланной Сахаровымъ противъ этого, „хотя юнаго, но очень смѣлаго подсудимаго, дитяти новыхъ вѣяній 80-хъ годовъ, расчитывавшаго, что правосудію никогда не придется вскрыть всей низости и гнусности совершеннаго имъ преступленія", чего онъ одно время и достигъ, такъ какъ два раза начатое до Н. В. объ немъ слѣдствіе было прекращено за отсутствіемъ уликъ.

Много и другихъ слѣдствій по громкимъ, запутаннымъ, сложнымъ, загадочнымъ процессамъ, включительно до дѣла объ убійствѣ московскаго городскаго головы Алексѣева, пришлось вести Николаю Васильевичу. Много прозорливости, творчества вложилъ онъ, разсматривая эти дѣла.

Въ 1896 г. Н. В. покинулъ судебное поприще и поселился въ своемъ родномъ городѣ Козельскѣ, и тамъ, продолжая неутомимо работать, онъ съумѣлъ своей энергіей разбудить спящее общество захудалаго городка. Онъ устроилъ общество вспомоществованія бѣднымъ жителямъ города, другое общество для помощи бѣднымъ ученикамъ городского училища. Въ этихъ учрежденіяхъ онъ состоялъ до смерти предсѣдателемъ. Съ помощью города пріобрѣлъ онъ также домъ для богадѣльни, и все это на пожертвованныя деньги. Благодаря его популярности, многіе откликнулись и изъ Москвы на добрый его призывъ. Въ тоже время онъ неутомимо трудился и надъ литературною обработкою интересныхъ и поучительныхъ человѣческихъ документовъ. Скончался онъ въ 1902 году на 73-мъ году.

Кромѣ печатаемыхъ воспоминаній Н. В. о калужскихъ губернаторахъ въ бумагахъ его находятся нѣсколько очерковъ и разсказовъ, къ сожалѣнію неоконченныхъ. Такъ задумана большая монографія о „деревенской религіозности", гдѣ вмѣсто религіи властвуетъ „демонологическій культъ", мало у насъ еще изслѣдованный. Первая глава, иллюстрируемая живыми картинами, частью изъ личныхъ наблюденій надъ деревенской жизнью представляетъ собою законченное цѣлое.—Дѣло о подлогѣ векселей отъ имени управляющаго синодальной канцеляріей тайнаго совѣтника В. К. Саблера. Процессъ этотъ разбирался въ московскомъ окружномъ судѣ гласно съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ 1892 году. Въ числѣ присяжныхъ былъ, между прочими, Ельпидифоръ Васильевичъ Барсовъ. Въ послѣднемъ словѣ подсудимая сказала: —„Я женщина, и не могу все вамъ сказать, но, конечно, вы, гг. присяжные, хорошо понимаете въ чемъ суть дѣла, и меня оправдаете". Подсудимая Хлюстина вышла изъ суда оправданной, хотя векселя тѣмъ же вердиктомъ признаны подложными.—Есть и большія статьи оконченныя. Такъ: „Пашковцы въ ихъ ученіи и жизни". Первая часть посвящена ученію и обрядамъ этихъ нововѣровъ; вторая часть—жизнь Пашковцевъ въ провинціи и третья—въ Москвѣ. Первыя двѣ части были помѣщены въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" подъ названіемъ „Разсказъ нововѣра" и „Пашковецъ" (кн. мартъ и апрѣль 1902). Эти статьи,

къ сожалѣнію, прошли совершенно незамѣченными нашею большою публикой, почти совсѣмъ не читающей духовныхъ журналовъ. Третья часть остается пока въ рукописи, она затрагиваетъ соціальную и политическую сторону этой секты, ихъ „тайны". Между послѣдователями считаются не только темный, беззащитный простолюдинъ, но и гр. и графиня Бобринскіе, кн. Гагаринъ, баронъ Модестъ Корфъ и другіе титулованные распространители этой секты. Также въ рукописи находятся разсказы „Изъ тьмы деревенской".

Л. О. Снегиревъ.

Въ Калугѣ я помню нѣсколько губернаторовъ, и всѣ они управляли губерніей каждый по своему. Законы страны были для всѣхъ одни, губернія одна и та же, условія существованія ея, потребности ея были одни и все тѣ же. Повидимому, и система удовлетворенія ихъ и практическаго примѣненія законовъ къ жизни должна бы быть одна и та же. А между тѣмъ, губернаторы въ смыслѣ управленія губерніей были все разные.... И дѣйствительно, были *разные*.... И нельзя сказать, чтобы это зависѣло отъ того, что каждый изъ нихъ съ своей индивидуальной точки зрѣнія смотрѣлъ на свои обязанности, на свою задачу удовлетворять требованіямъ правительства и потребностямъ населенія. Напротивъ, были такіе, которые всей своей дѣятельностью открыто заявляли, что законы, губернія съ ея дѣлами, съ ея интересами, съ ея нуждами, были сами по себѣ, а они—тоже сами по себѣ, а жизнь губерніи предоставляли ея собственному историческому теченію, и сами плыли по ея теченію.... Но у всѣхъ у нихъ была одна объединяющая черта: это—забота о томъ, чтобы люди и жизнь слѣпо подчинялись высшей командѣ: *с-смир-р-но!*, чтобы какимъ нибудь недозволеннымъ проявленіемъ самодѣятельности не потревожить гордаго покоя и самодовольства, не разрушить водворенной въ странѣ поэтической иллюзіи благоговѣйнаго преклоненія передъ политическимъ божествомъ, не нарушить поэзіи равненія, массоваго шествія „въ ногу" и устремленія всѣхъ глазъ и головъ въ одну точку.... Впрочемъ, въ тѣ смирныя, сонныя времена общественный механизмъ такъ былъ прилаженъ, всѣ головы такъ были острижены „подъ гребенку", что губернаторамъ вообще, и тѣмъ болѣе такихъ „запольныхъ земель", какъ Калужская, нечего было особенно безпокоиться за нарушеніе общественной гармоніи „тишины и спокойствія".... На безпредѣльной нивѣ нашей исторической жизни вопросовъ посѣяна была хотя масса, но всѣ они таились пока подъ спудомъ, въ тайникахъ „безпокойныхъ головъ", и не тревожили собой ни „градоначальниковъ, ни военачальниковъ, ни весь правительствующій синклитъ".... Такъ что губернаторамъ этой смирной эпохи оставалось только лицедѣйствовать въ

своей роли, и смотря по индивидуальнымъ ихъ свойствамъ или вышивать по тюлю и раскладывать пасьянсъ, по адресу губерніи, мелодически напѣвая колыбельную пѣсню: „спи, малютка, почивай“, или дѣлать облавы по красному звѣрю и, кстати, на обывательскіе карманы.... Калуга знаетъ и такихъ „охотниковъ“ этого послѣдняго спорта, и видѣла ихъ у себя въ недавнія времена.... Впрочемъ, эти преобладающіе два типа губернаторовъ были такъ распространены въ дореформенную эпоху, что представители ихъ водились, вѣроятно, въ каждой губерніи....

Первый губернаторъ въ Калугѣ, котораго я помню, былъ одинъ графъ [1]), изъ военныхъ. Я тогда еще не служилъ, и лично его не зналъ, но, по разсказамъ современниковъ, это былъ добродушнѣйшій, честнѣйшій человѣкъ, лично извѣстный императору Николаю со стороны своего служебнаго безкорыстія, но вмѣстѣ съ тѣмъ великій оригиналъ. По тюлю не вышивалъ онъ, но за то былъ большой богомолъ. Каждый праздникъ онъ непремѣнно въ церкви и каждый праздникъ у него по всему дому въ каждомъ углѣ горятъ лампады и по всему дому носится запахъ деревяннаго масла и ладана. Разные батюшки, матушки, сборщики, странники, богомолки съ просвирками не выходили у него изъ дома. По поводу матушекъ о немъ разсказываютъ слѣдующій курьезъ. Ранѣе назначенія его въ Калугу, онъ гдѣ-то „состоялъ“ вице-губернаторомъ и по какому-то случаю исполнялъ обязанность губернатора. Въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ служилъ, существуетъ женскій монастырь. Графъ послалъ сказать игуменьѣ, что онъ къ ней пріѣдетъ къ обѣднѣ, и назначилъ день. Игуменья сочла нужнымъ встрѣтить его съ почетомъ; въ ожиданіи его пріѣзда, вышла на паперть сама, и всѣ монахини съ нею. Когда онъ подъѣхалъ къ церкви и вышелъ изъ экипажа, матушка, а за ней и всѣ монахини, пали передъ нимъ ницъ. И графъ отвѣтилъ тѣмъ же. Но этикетъ требовалъ отъ игуменьи не подниматься первой. И графъ, тоже изъ этикета, не желалъ первый подняться. И лежатъ другъ противъ друга внизъ головой, и подсматриваютъ вполглаза, не поднялся ли кто первый. Наконецъ, это надоѣло графу.—„Мать, не пора ли вставать?“ говоритъ онъ игуменьѣ. И всталъ. А за нимъ поднялась и игуменья, а за игуменьей встали и всѣ монахини.

Неторопливость, неспѣшность были отличительной чертой служебной дѣятельности графа. Онъ прямо объявилъ, что въ гражданской

---

[1]) Гр. Е. П. Толстой.

службѣ нѣтъ нужныхъ и спѣшныхъ дѣлъ, и положительно не признавалъ надписей на бумагахъ: „весьма нужное“, „срочное“, „экстренно нужное“, и т. под. Онъ разсуждалъ, что нужныя спѣшныя дѣла могутъ быть только въ военной службѣ, въ военное время, когда отъ промедленія можетъ пострадать ходъ сраженія, и т. под.—„А въ гражданской бумажной службѣ какія-такія могутъ быть экстренности? Не все ли равно бумагѣ лежать въ томъ или въ другомъ мѣстѣ?“—говаривалъ онъ. Въ силу такого взгляда на гражданскую службу, онъ выдѣлывалъ такія, напримѣръ, вещи: получается изъ министерства бумага, съ надписью: „весьма нужное“, о доставленіи какихъ нибудь свѣдѣній. Правитель канцеляріи бѣжитъ къ графу въ урочный, и непремѣнно въ урочный, часъ и докладываетъ бумагу. А графъ преспокойно беретъ перо и пишетъ на ней резолюцію: „ждать третьяго понужденія“.—„Какіе они тамъ все проворные!—ворчитъ онъ, неторопливо дѣлая эту надпись.... Весьма имъ стало нужно! Ничего имъ не нужно.... Знаемъ мы, что имъ нужно“.... Или: наступаетъ срокъ представленія Государю годоваго, такъ называемаго всеподданнѣйшаго отчета о состояніи губерніи за прожитой годъ. Доставлялся онъ обязательно къ 1-му марта. Зная неторопливость графа, которому все же нужно было прочесть отчетъ съ многочисленными приложеніями къ нему и подписать его во многихъ мѣстахъ, правитель канцеляріи несетъ его едва ли не съ первыхъ чиселъ февраля и начинаетъ убѣждать графа заняться отчетомъ, чтобы можно было успѣть послать его въ П.Бургъ до 1-го марта. Графъ, по своему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, присвистываетъ, прищелкиваетъ пальцами.—„Э, батюшка, какой вы проворный! Написали такую охабку, да хотите, чтобъ я вамъ сейчасъ же прочелъ!“—Правитель канцеляріи снова начинаетъ и убѣждать и умолять графа заняться отчетомъ.—„Ну, хорошо, хорошо. Положите здѣсь на столѣ. На свободѣ займусь“.—Правитель канцеляріи знаетъ ужъ судьбу дѣлъ и бумагъ, попавшихъ на графскій столъ, и снова начинаетъ приставать къ графу съ отчетомъ.—„Да что вы пристали ко мнѣ“. А какой у насъ мѣсяцъ начинается еще съ буквы: „м“?—Май, ваше сіятельство.—„Ну, вотъ въ маѣ-то и понавѣдайтесь.“—Правитель въ полномъ отчаяніи! Между тѣмъ, изъ министерства шлютъ бумагу за бумагой о доставленіи отчета. Всѣ губернаторы доставили уже свои отчеты, и нѣтъ его только отъ одного графа. А графъ получаетъ министерскія понужденія, и только пишетъ на нихъ: „ждать слѣдующаго понужденія“, или вовсе ихъ игнорируетъ. Наконецъ, изъ министерства пишутъ ему: посадить правителя канцеляріи на гауптвахту за недоставленіе отчета. Тогда графъ беретъ бланкъ и перо и собственноручно доноситъ министру, что правитель канцеляріи тутъ не причемъ, что онъ

еще въ началѣ февраля являлся къ нему съ готовымъ отчетомъ, и если ужъ нужно искать виноватаго, то виноватъ только самъ онъ.

Оригинально относился онъ къ жалобамъ лицъ, искавшихъ защиты у его власти. Былъ онъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ для ревизіи. Предводитель дворянства пригласилъ его обѣдать. За обѣдомъ какой-то помѣщикъ, имѣвшій въ какомъ-то губернскомъ присутственномъ мѣстѣ какое-то личное дѣло, пользуясь случаемъ, разсказалъ графу о своемъ дѣлѣ, и разсказалъ занимательно, живо. Графъ выслушалъ его со вниманіемъ. Помѣщикъ былъ въ полной увѣренности, что графъ что нибудь сдѣлаетъ въ его пользу. Но когда обѣдъ кончился и графу надо было уѣзжать, онъ говоритъ помѣщику: „а ну-те-ка, разскажите еще *на-дорожку*. Вы такъ занимательно разсказываете“.—И конечно ничего не сдѣлалъ.

Благодаря этой системѣ „невмѣшательства власти“ въ жизнь страны, дѣловой застой, взяточничество, казнокрадство, произволъ во всѣхъ видахъ разрослись до колоссальныхъ, легендарныхъ размѣровъ. Законъ былъ въ полнѣйшемъ попраніи. Имъ пользовались лишь какъ средствомъ для вящшаго взяточничества и произвола. Взяточничество было сплошное, повальное. Не бралъ только лѣнивый, и первые брали чиновники особыхъ порученій богомольнаго губернатора. Подъ шумокъ его акаѳистовъ и молебновъ, они, бывало, какъ заберутся въ Боровскъ или въ Сухиничи (заштатный городъ Калужской губерніи), служащіе раскольничьими гнѣздами, такъ у бѣдныхъ раскольниковъ только карманы трещатъ по всѣмъ швамъ. Вообще губернія представляла завоеванную страну, отданную на разграбленіе завоевателямъ. Кажется, въ управленіе графа одинъ становой „расшалился“ до такой виртуозности, что сдѣлалъ наѣздъ на одно большое село государственныхъ крестьянъ, собралъ сходъ, объявилъ предписанный высшимъ начальствомъ наборъ взрослыхъ дѣвицъ въ военную службу.—и уѣхалъ „обремененный добычей“, взятой за освобожденіе ихъ отъ набора. Къ тому же, кажется, времени относится разсказъ объ одномъ старомъ секретарѣ, сидѣвшемъ на своемъ мѣстѣ едва ли не цѣлое полстолѣтіе. Когда онъ, по дряхлости и ослабленію „хватательныхъ“ мышцъ, сдалъ свое мѣсто сыну, сынъ возвращается домой со службы и говоритъ отцу: что вы такъ долго, папаша, тянули такое-то дѣло? Я его кончилъ.—Папаша даже подпрыгнулъ на диванѣ.—„Дуракъ ты, дуракъ! Дѣло это выстроило этотъ домъ, воспитало тебя, дурака, и твоихъ сестеръ, выдало ихъ замужъ съ приличнымъ приданымъ, дало мнѣ хорошую копѣйку про черный день,—а ты взялъ да и прикончилъ

его однимъ ма́хомъ"?!—Взяточничество было до того вопіюще, что выводило иногда изъ себя даже невозмутимаго графа. Служилъ въ его время въ Калугѣ одинъ инженеръ по такъ называемой „водяной коммуникаціи". завѣдывавшій осмотромъ и пропускомъ по Окѣ плотовъ, барокъ, струговъ и проч. И страшно надоѣлъ онъ графу жалобами на него со стороны лѣсопромышленниковъ на недобросовѣстный образъ дѣйствій его по службѣ. Призываетъ графъ правителя канцеляріи и отдаетъ приказаніе составить представленіе начальству инженера о переводѣ его изъ Калуги. Правитель канцеляріи составляетъ по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства обстоятельную бумагу и подаетъ подписать графу.—„Э, батюшка, какая длинная! И кто же станетъ читать въ П.Бургѣ такую бумагу? Развѣ ихъ тамъ читаютъ? Тамъ только нюхаютъ ихъ, а читать не читаютъ. И кончится это тѣмъ, что оставятъ безъ вниманія нашу бумагу, а инженеръ все будетъ сидѣть у насъ на шеѣ. Дайте-ко мнѣ бланкъ."—И графъ беретъ перо и пишетъ: „Есть у меня здѣсь инженеръ NN, который Бога не боится, и людей не стыдится. Покорнѣйше прошу убрать его отъ меня".—„Вотъ такъ и пошлите. И повѣрьте, что такую бумагу прочтутъ, и исполнятъ. А то кто будетъ читать ваши длинныя бумаги?"—Оригинальную бумагу дѣйствительно прочли въ П.Бургѣ, вѣроятно, похохотали надъ ней, но, зная графа, быстро исполнили—перевели инженера изъ Калуги въ Рыбинскъ, на Волгу, перемѣстивъ щуку изъ ручья въ рѣку...

Надоѣла ли въ П.Бургѣ постоянная возня съ своеобразнымъ графомъ, или по собственной его просьбѣ, но его „убрали" въ старый Сенатъ, служившій „уборной" для неудавшихся или неугодныхъ П.Бургу губернаторовъ, корпусныхъ командировъ и проч. Тѣмъ не менѣе графъ просидѣлъ въ Калугѣ что-то года три или четыре. Можно себѣ представить, какія авгіевы конюшни оставилъ онъ своимъ преемникамъ...

Его смѣнилъ человѣкъ *гражданскій*[1]). Этого и я зналъ, начавъ службу въ г. Козельскѣ во время его управленія Калужской губерніей. Переведенъ былъ онъ изъ другой, дальней, губерніи „подтянуть" нашу Калужскую, „дать ей хорошую встрепку". Это былъ мужчина большой, смуглый, пучеглазый, весь бритый: пародируя Петра I-го, но Калугѣ ходилъ съ увѣсистой палкой, при случаѣ пускалъ ее въ дѣло, вставалъ вмѣстѣ съ курами, и въ шесть часовъ утра принималъ уже

[1]) Булгаковъ (съ 28 апр. 1851 по 7 апр. 1856).

съ докладомъ чиновниковъ. Авторъ „Матерьяловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II[1])“ аттестуетъ этого губернатора „человѣкомъ необразованнымъ, грубымъ, пьянымъ и во всѣхъ отношеніяхъ неприличнымъ“. Дѣйствительно, грубъ и циниченъ былъ онъ—феноменально! Грубость, впрочемъ, была тогда въ нравахъ власти, и входила даже въ систему управленія. Ея держались не только военныя и гражданскія власти, но даже духовныя—митрополиты. архіереи. Извѣстно, до чего грубъ былъ Московскій Филаретъ съ подчиненными ему батюшками. Нѣкоторые архіереи позволяли себѣ даже бить ихъ. И публика до того освоилась съ этой всеобщей, повальной грубостью власти, что не только оскорблялась ею, а даже находила, что чѣмъ грубѣй власть, тѣмъ она величественнѣй, торжественнѣй, что это ея свыше предоставленная прерогатива... У Калужскаго губернатора, о которомъ идетъ рѣчь, грубость выражалась въ крайне циничной формѣ. Нецензурныя, извощичьи „изреченія“ такъ и сыпались съ его языка. Онъ не стѣснялся дарить ими даже дамъ на пріемахъ просителей, даже въ засѣданіяхъ губернскаго правленія и въ присутственныхъ мѣстахъ въ губерніи при ревизіи ихъ. Не стѣснялся присутствіемъ старика архіерея разсказывать скабрезные анекдоты и сыпать отборныя „изреченія“. О человѣческомъ достоинствѣ въ подчиненномъ онъ не имѣлъ даже элементарныхъ понятій. Напр. привезеннаго имъ въ Калугу изъ другой губерніи правителя своей канцеляріи, тогда совершенно юнаго, кандидата правъ, Вл. Андр. Лысогорскаго, бывшаго впослѣдствіи губернаторомъ въ Тобольскѣ, онъ не иначе называлъ, какъ „Володька“, и говорилъ ему: ты. Городскихъ головъ, носившихъ бороды, называлъ: борода, мочалка—„Ну, ты, козлиная борода! Мочалка!“—И тѣ только облизывались и кланялись. Въ Козельскѣ я былъ очевидцемъ слѣдующей сцены: является онъ на ревизію въ уѣздный судъ и садится на предсѣдательское мѣсто. Съ одной стороны стола въ струнку стоятъ уѣздный судья и рядомъ съ нимъ одинъ дворянскій засѣдатель, служившій раньше въ П.Бурѣ мелкимъ канцелярскимъ писателемъ въ какой-то палатѣ, а по другую сторону, ближе къ губернатору, секретарь и другой засѣдатель, отставной подполковникъ, въ амбразурѣ окна, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, прижался уѣздный стряпчій, представитель прокурорскаго надзора, дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, бритый, чопорный, сѣдой старичокъ. Все это замерло въ рабьемъ чиновничьемъ трепетѣ. Сцена эта такъ живо напоминала извѣстную картину поэта: „царь на тронѣ

[1]) Берлинское изданіе. 1861 г., стр. 20, т. II.

сидитъ. Передъ нимъ и за нимъ, съ раболѣпствомъ нѣмымъ, рядъ сатраповъ стоитъ". *Сатраповъ*-то, впрочемъ, въ данномъ случаѣ можно было бы замѣнить чѣмъ-нибудь и другимъ... Ревизія продолжалась болѣе часу, и все это время окружавшая губернатора публика оставалась на ногахъ, на вытяжку передъ нимъ. Посадить ее онъ не позволилъ себѣ даже подумать. Подобныя „нѣжности" не практиковались тогда. Единственная вѣжливость, какую оказалъ онъ дворянскому элементу суда, заключалась въ томъ, что судьѣ и засѣдателямъ онъ говорилъ: вы, тогда какъ секретарю и стряпчему говорилъ: ты. Ревизія заключалась лишь въ перелистываньи настольныхъ реэстровъ, или, какъ называли тогда, регистровъ, въ которые вносились названія поступавшихъ въ уѣздный судъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, время поступленія ихъ и рѣшенія и время исполненія канцеляріей рѣшеній суда. На канцелярскомъ языкѣ того времени подобныя ревизіи иронически назывались: считать номерки. При перелистываньи реэстра уголовнымъ дѣламъ губернаторъ наталкивается на какое-то промедленіе въ рѣшеніи дѣла, или въ исполненіи рѣшенія.—„Ты чтожъ это дѣло-то продержалъ?"—кричитъ онъ на секретаря. „Какъ твоя фамилія?"—Субботинъ, ваше пр-во.—„Вы бы, судья, эту субботу-то по субботамъ"... И—„изреченіе"...—„А ты, сѣдая выхухоль, чегожь смотрѣлъ?"—кричитъ стряпчему губернаторъ. И опять—„изреченіе"... „А вы, засѣдатель, куда жь глядѣли?—кричитъ онъ засѣдателю подполковнику. Тотъ былъ человѣкъ недалекій; и даже не слыхалъ до этой минуты, что на немъ лежатъ какія нибудь обязанности, кромѣ пассивнаго подписыванья всѣхъ подкладываемыхъ ему бумагъ, и только и нашелся отвѣтить: „У насъ, ваше пр-во, изстари такъ заведено".—„Вы, чтожь, въ богадѣльню, что-ль, попали сюда?"—сказалъ губернаторъ, и даже благоволилъ слегка улыбнуться, но все же отпустилъ „изреченіе". Въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ онъ тоже расточалъ клички и „изреченія". Такъ думскаго секретаря, обладавшаго сизымъ, грушеобразнымъ носомъ, обозвалъ „чортовой перечницей". Отпустилъ также циничную грубость исправнику при ревизіи земскаго суда, но здѣсь наскочилъ на отпоръ. Исправникомъ тогда служилъ С. А. Голофѣевъ, человѣкъ стойкій, весьма почтенный, высоко цѣнимый потомъ В. А. Арцимовичемъ и избранный имъ въ мировые посредники перваго призыва. По поводу грубости губернатора онъ сдѣлалъ ему „осажѐ", и тотъ сейчасъ же осѣкся, растерялся, быстро измѣнилъ тонъ въ обращеніи съ нимъ. и хотя продолжалъ говорить ему: ты, но уже безъ грубостей и „изреченій". Подобные индѣйскіе пѣтухи вообще таковы: храбрятся только передъ слабыми и безотвѣтными; но у нихъ моментально опускаются перья. когда плеснутъ въ нихъ водой...

Такой же грубостью и нахальствомъ отличались и чиновники, вывезенные въ Калугу губернаторомъ изъ той губерніи, которою онъ командовалъ раньше. И они и самъ принципалъ ихъ были непоколебимо убѣждены, что люди—только они, а обыватель—это только объектъ для предъявленія ему своего величія и безпредѣльнаго презрѣнія къ нему. Сообразно съ этимъ взглядомъ, при сношеніяхъ съ обывателемъ, они принимали осанку, вырабатывали себѣ выраженіе физіономіи, глазъ, манеру говорить, тонъ голоса. Мнѣ случайно пришлось застать врасплохъ за чрезвычайно курьезной репетиціей одного смирнаго, безобиднаго человѣка, занимавшаго въ канцеляріи скромное положеніе „писателя“. Входя къ нему вечеромъ въ сѣни, слышу въ его единственной комнатѣ неистовый ревъ и отборнѣйшія „изреченія“. Писатель видимо кого-то распекалъ на тему: въ бараній рогъ согну! Недоумѣвая, кого онъ могъ распекать, когда не обладалъ никакой властью, я быстро отворилъ дверь и засталъ, что распекатель, совершенно одинъ, стоитъ посреди комнаты лицомъ къ двери, у порога которой въ воображеніи его стоялъ обыватель. Голова у распекателя величественно запрокинута, носъ поднятъ, глаза смотрятъ сверху внизъ, лицо свирѣпое—темнѣй осенней ночи, одна нога важно отставлена впередъ, руки заложены въ карманы. Громовержецъ чрезвычайно сконфузился, увидя меня, лицо и вся поза его моментально приняли свое обычное смиренное, приниженное выраженіе.—„На кого это вы кричали? Что вы это выдѣлывали тутъ?“—Да это я такъ... Ничего, ничего...—„Однако?“—Да, можетъ, придется служить по полиціи—квартальнымъ тамъ, частнымъ, или становымъ... Хорошія мѣста!.. Такъ это я, знаете ли, *готовлюсь*... Потому безъ этого нельзя же съ *ними*, скотами... Очень ужъ хорошо Климовъ кричитъ на просителей... Я видѣлъ его, когда ѣздилъ въ Калугу.

А Климовъ этотъ былъ частнымъ приставомъ тамъ, вывезенъ губернаторомъ, на страхъ Калугѣ, изъ той губерніи, гдѣ онъ прежде служилъ и былъ положительно башибузукомъ. По Калугѣ онъ ѣздилъ не иначе, какъ парой, съ пристежкой на отлетѣ, вившейся въ кольцо. Въ пролеткѣ или въ саняхъ онъ не сидѣлъ, а непремѣнно стоялъ во весь ростъ, держась за кушакъ кучера. Съ обывателемъ онъ не говорилъ, а ревѣлъ на него, обдавая его потокомъ утончоннѣйшихъ „изреченій“. Въ Калугѣ и теперь существуетъ бакалейный магазинъ Блистанова. О чистотѣ города калужане не особенно заботились въ тѣ времена, и зимой кучи снѣга съ навозомъ покрывали даже главныя улицы, ожидая весенняго солнца и весенней воды. Но мимо магазина Блистанова ѣзжалъ губернаторъ. Климовъ посылаетъ квартальнаго

сказать Блистанову, чтобы онъ убралъ навозъ отъ своего магазина, но Блистановъ не спѣшилъ убрать его, расчитывая на весну. Тогда Климовъ, съ пожарными, съ лопатами, является къ магазину и отдаетъ приказаніе весь навозъ швырять съ улицы въ магазинъ. И навозъ летитъ въ открытые ящики съ конфетами, съ пряниками, съ орѣхами и проч. (Витринъ тогда не знали еще). Блистановъ отправляется къ губернатору жаловаться на Климова, но губернаторъ разругалъ самаго же Блистанова, а Климову сказалъ: „Молодецъ! Дѣйствуй такъ и впередъ съ ними, мерзавцами“!

И такими Климовыми кишѣла вся губернія. Да и одна ли только Калужская губернія кишѣла подобными представителями власти?.. Конечно, подобныя отношенія ихъ не способствовали водворенію уваженія и довѣрія населенія къ власти, къ взаимному сближенію ихъ, къ совмѣстной дѣятельности для блага общественнаго; но объ этомъ тогда не заботились... Да и не помышляли о томъ... Наша исторія не доработалась еще тогда до подобной идеи власти и до подобнаго типа власти... И выходило, что власть у насъ стояла сама по себѣ, гдѣ-то на высокой горѣ, а все, что не было властью, ютилось внизу, подъ горой, и обречено было на безмолвное созерцаніе власти и безотвѣтное подчиненіе ея „нагорной проповѣди“, въ какую бы форму ни облекалась она...

Какъ отличительной чертой дѣятельности графа были медлительность, халатничество, такъ характеристической чертой дѣятельности его преемника были, напротивъ, стремительность, быстрота. Быстрота требовалась имъ не во имя интересовъ обывателя, имѣвшаго дѣло въ присутственныхъ мѣстахъ, а во имя самой же быстроты, вызывалась нервной натурой губернатора и была чисто канцелярской, безпочвенной, механической. Она была однородна съ той быстротой, съ которой тогда въ войскахъ по командному слову начальника вымуштрованная солдатская масса моментально, какъ одинъ человѣкъ, опускала ружье „къ ноги“, или брала его „на плечо“. Для достиженія такой быстроты, сангвиническій губернаторъ прибѣгалъ къ крайне крутымъ, своеобразнымъ мѣрамъ. Заставъ въ губернскомъ правленіи невообразимую медленность и массу неразрѣшенныхъ дѣлъ и бумагъ, накопленныхъ въ неторопливое управленіе своего богомольнаго предшественника, онъ прежде всего самымъ позорнѣйшимъ образомъ разругалъ совѣтниковъ, секретарей, столоначальниковъ, приказалъ имъ являться на службу въ восемь часовъ утра и заниматься до двухъ, въ четыре снова являться и сидѣть до полуночи, назначивъ кратчайшій срокъ

для приведенія дѣлопроизводства въ порядокъ. Чтобы канцелярія сидѣла на своихъ мѣстахъ и не отлынивала отъ дѣла, выбѣгая во дворъ курить, губернаторъ приставилъ къ дверямъ военныхъ часовыхъ съ ружьями, которые сопровождали чиновниковъ даже въ извѣстныхъ экстренныхъ случаяхъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ввелъ доставленіе ему ежемѣсячныхъ вѣдомостей о движеніи поступавшихъ дѣлъ и бумагъ. И, Боже сохрани, если къ слѣдующему мѣсяцу оставалось не разрѣшенная бумажка! Виновнаго постигала губернаторская ругань и арестъ на военной гауптвахтѣ. Можно представить себѣ, что̀ изъ этого выходило. Заботились прежде всего не о правильности и жизненности дѣлопроизводства, а о томъ, чтобы „ссунуть“ бумажку „отписать ее по матеріи“, какъ говорили тогда въ канцеляріяхъ, чтобы она „не числилась“ неоконченною и не навлекла кары губернатора.

Но къ массѣ ходившихъ по губерніи разнообразныхъ разсказовъ о крайнемъ его деспотизмѣ, самодурствѣ, грубости, хроника его времени что-то не присоединяетъ разсказовъ ни о какихъ его мѣропріятіяхъ къ подъему нравственной чистоты служебнаго полчища. Оно по прежнему казнокрадствовало, лихоимствовало, самоуправствовало, безчинствовало и производило всевозможныя обирательныя манипуляціи. При медлительномъ графѣ оно лихоимствовало, можетъ быть, медлительнѣй и обывателя изводило изморомъ, а при данномъ губернаторѣ, сообразно его темпераменту и системѣ, дѣйствовало быстрѣй и стремительнѣй... Впрочемъ, эта сторона бюрократической дѣятельности была въ тѣ времена такова, что трудно было сказать, гдѣ она была хуже... Такая ужъ атмосфера была!..

Изъ Калуги нашъ сатрапъ назначенъ былъ директоромъ провіантскаго департамента военнаго министерства. На этомъ посту онъ также заявилъ себя свойственной ему грубостью и цинизмомъ. До Калуги дошелъ разсказъ о томъ, что на первыхъ же порахъ его управленія департаментомъ является къ нему Московскій провіантмейстеръ, что-то долго сидѣвшій на своемъ мѣстѣ и не отстававшій отъ другихъ въ наполненіи своего кармана.—„Вишь, брюхо-то засалилъ! В-в-онъ!“—закричалъ на него директоръ, и съ обычной своей быстротой прогналъ его съ службы. Но нравственная сторона провіантскаго вѣдомства не выиграла ничего въ его управленіе. Извѣстны колоссальныя, легендарныя хищенія этого учрежденія въ Крымскую войну.

Находясь въ П.Бургѣ, бывшій нашъ губернаторъ пристроился къ составу редакціонной коммиссіи, когда происходила тамъ разра-

ботка проэктовъ губернскихъ комитетовъ по освобожденію крестьянъ. К. Д. Кавелинъ въ своихъ „Метерьялахъ“ по крестьянскому вопросу отмѣчаетъ[1]), что въ редакціонную коммиссію онъ пробрался „по собственному искательству“. Тотъ же авторъ разсказываетъ[2]) о слѣдующемъ эпизодѣ изъ п.-бургской жизни нашего NN. 14 мая 1860 г. херсонскій депутатъ комитета и предводитель дворянства Касиновъ устроилъ частный обѣдъ въ своей квартирѣ, въ гостинницѣ Демидова, противъ Александринскаго театра, для членовъ редакціонной коммиссіи. Въ числѣ другихъ участвовали въ обѣдѣ нашъ NN и членъ отъ Калужскаго комитета, князь А. В. Оболенскій, знакомый съ NN по Калугѣ. Обѣдъ сопровождался, конечно, различными тостами. Кн. Оболенскій предложилъ тостъ за всѣхъ трудившихся по крестьянскому дѣлу и въ томъ числѣ за К. Д. Кавелина и А. М. Унковскаго, своими литературными трудами стремившихся принести пользу общему дѣлу. При этихъ именахъ NN, сидѣвшій близко къ кн. Оболенскому, и будучи уже навеселѣ къ концу обѣда, прибавилъ съ обычнымъ смѣхомъ своимъ, не вставая съ мѣста: „Если ужъ пить, такъ лучше бы начать сначала, за перваго, кто трудился за крестьянъ,—за Пугачева“.— Слова эти слышали не всѣ, а только сидѣвшіе около NN. Одни посмѣялись, а другіе ругнули его за неосторожную и пошлую шутку. Инцидентъ этотъ, вѣроятно, остался бы безъ послѣдствій, но онъ не укрылся отъ зоркой бдительности III-го Отдѣленія. Завѣдывавшій этимъ Отдѣленіемъ, кн. Долгоруковъ доложилъ о немъ Государю, и Государь приказалъ выгнать NN изъ службы. Но военный министръ Сухозанетъ, нѣжный покровитель NN, сильно заступился за него и буквально на колѣняхъ умолилъ Государя позволить ему написать объясненіе. NN, вѣрный своей... натурѣ, клялся въ своей благонамѣренности и написалъ, что, зная, что правительство смотритъ на Унковскаго и Кавелина, какъ на людей неблагонамѣренныхъ, онъ, сравнивъ ихъ съ Пугачевымъ, хотѣлъ этимъ еще болѣе заклеймить ихъ и предложенный за нихъ тостъ. Объясненіе это, однако, не понравилось Государю: онъ нашелъ его подлымъ. Снисходя на просьбу Сухозанета, Государь согласился оставить NN на службѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ дать ему порученіе по провіантской части въ западныя губерніи, которое удалило его изъ П.Бурга и редакціонной коммиссіи“. Авторъ „Матерьяловъ“ прибавляетъ: „такъ кончила свою карьеру ... личность, которую не слѣдовало бы и допускать въ крестьянское дѣло, на которое нужны люди честные[3])“. Тонъ этого разсказа, можетъ быть, слишкомъ

[1]) Стр. 20, т. II.
[2]) Стр. 449—454, т. II.
[3]) Стр. 454 т. II.

рѣзокъ, но мы оставляемъ его и самую фактическую достовѣрность разсказа на отвѣтственности автора. Впрочемъ, въ подтвержденіе разсказа онъ ссылается на то, что извѣстіе о фактѣ обѣда и о тостѣ кн. Оболенскаго за Унковскаго и Кавелина было напечатано, безъ поименованія однако фамилій этихъ высоко почтенныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, въ іюньской книжкѣ „Современника“ за 1860 г. и перепечатано „Московскими Вѣдомостями“ 22 іюня въ № 137.

Преемникомъ губернатора-циника былъ другой графъ, съ той же фамиліей, какъ и первый, но гражданскій[1]). Я лично не зналъ его, но, по общимъ отзывамъ, это былъ человѣкъ хотя приличный, корректный, но, какъ администраторъ, личность безцвѣтная, блѣдная, не оставившая по себѣ никакихъ яркихъ воспоминаній. Удаляясь съ общественной сцены, онъ не вызвалъ своей дѣятельностью ни свистковъ, ни аплодисментовъ. О такихъ дѣятеляхъ хронологи обыкновенно упоминаютъ лишь только для полноты хронологической номенклатуры. Они хотя усиливаются создать начальственный декорумъ и иллюзію властвованія, но въ сущности къ нимъ вовсе непримѣнимо понятіе о правителѣ, потому что они не въ состояніи ничѣмъ управлять, и первые сами же пассивно влекутся волною текущей жизни, каковы бы ни были ея форма и содержаніе. Ни свѣта, ни смысла, ни даже освѣженія они не вносятъ въ нее. Единственный вкладъ графа въ сокровищницу усовершенствованія жизни Калужскаго человѣчества заключался въ томъ, что онъ не допускалъ представляемыя ему бумаги засыпать пескомъ, потому что онъ своей шероховатостью безпокоилъ графскіе пальцы и ввелъ въ употребленіе пропускную бумагу... Графъ, можетъ быть, и таилъ въ себѣ какіе-нибудь таланты, но, какъ гоголевскій прокуроръ, не обнаруживалъ ихъ по скромности... Свободное время отъ служебной повинности старый холостякъ заполнялъ преферансомъ, журфиксами, раутами, на которыхъ, говорятъ, скука была смертельная. Впрочемъ, онъ не чуждъ былъ литературы и что-то такое писалъ, хотя не стихотворенія „къ Хлоѣ“ и къ „Пчёлкѣ златой“, а по части раскольниковъ. Если время пребыванія его въ Калугѣ и можно отмѣтить какимъ нибудь крупнымъ событіемъ изъ общественной жизни, то развѣ лишь тѣмъ, что при немъ, въ 1858 году, прогремѣлъ первый громъ надъ крѣпостнымъ правомъ: губернскимъ предводителемъ полученъ былъ извѣстный рескриптъ съ указаніемъ на починъ дворянства трехъ губерній виленскаго генералъ-губерна-

[1]) Съ 6 іюля 1856 г. по 27 іюля 1858 г.

торства въ улучшеніи положенія своихъ крестьянъ. Но это событіе можетъ быть столько же поставлено на счетъ личной служебной дѣятельности графа, сколько и громъ, прогремѣвшій въ высотахъ поднебесныхъ...

Созналъ ли графъ свое безсиліе передъ надвигавшейся исторической бурей паденія крѣпостного права, или по личнымъ какимъ нибудь обстоятельствамъ, но, просидѣвъ въ Калугѣ что-то недолго, въ 1858 г. онъ оставилъ ее, а впослѣдствіи поселился на житіе подъ Москвой, въ Троице-Сергіевой лаврѣ и скончался тамъ глубокимъ старикомъ, забытый людьми и исторіей и поминаемый лишь монастырскимъ синодикомъ.

Вздохнуть отъ царившаго въ губерніи гнета произвола и беззаконія, проснуться отъ спячки и застоя, радостно увидѣть незнакомый дотолѣ свѣтъ законности, правды, добра, защиты отъ произвола, уразумѣть подлинный смыслъ жизни и дѣятельности, видѣть идеалъ правителя края—Калугѣ суждено было лишь въ сравнительно короткое, но навсегда достопамятное управленіе В. А. Арцимовича.

Приказъ о перемѣщеніи его изъ Тобольска въ Калугу на постъ губернатора послѣдовалъ 27 іюля 1858 г., въ Калугу пріѣхалъ онъ 29 или 30 сентября, а 1 октября вступилъ въ управленіе губерніей. Случилось, что въ августѣ того же 1858 г. я переведенъ былъ въ Калугу, въ канцелярію губернатора, на должность помощника правителя канцеляріи, и прослужилъ въ Калугѣ до іюня 1861 г., когда, по назначенію В. А. Арцимовича[1]), возвратился въ Козельскъ на должность судебнаго слѣдователя по только что введенному тогда въ жизнь институту судебныхъ слѣдователей. Служа въ канцеляріи губернатора и потомъ мѣсяцевъ девять секретаремъ Калужскаго губернскаго правленія, я имѣлъ случай безпрестанно видѣть В. А. Арцимовича, входить въ дѣловыя сношенія съ нимъ, непосредственно наблюдать его дѣятельность, а по случаю продолжительнаго отпуска правителя канцеляріи В. Ѳ. Раковскаго[2]) управлять канцеляріей губернатора, даже жить въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ правители канцеляріи

[1]) По наказу судебнымъ слѣдователямъ, они назначались губернаторомъ, губернскимъ прокуроромъ и предсѣдателемъ уголовной палаты и утверждались министромъ юстиціи.

[2]) Былъ впослѣдствіи нѣкоторое время членомъ московской судебной палаты, потомъ предсѣдателемъ курскаго окружного суда и скончался въ 1895 г. предсѣдателемъ департамента Харьковской судебной палаты.

имѣли квартиру, чтобы постоянно быть подъ руками у губернатора[1]), ежедневно, а иногда не разъ въ день, бывать у В. А. Арцимовича, объѣхать съ нимъ два раза всю губернію для ревизіи присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, словомъ, видѣть его въ кабинетѣ и на общественной сценѣ. А на общественной сценѣ, съ первыхъ же дней появленія В. А. Арцимовича въ Калугѣ, начиналось приготовленіе къ постановкѣ, а вслѣдъ затѣмъ пошла и самая постановка великой исторической драмы—разрушеніе обреченнаго исторіей ва сломку обветшалаго, мрачнаго зданія, гдѣ царила старая крѣпостная жизнь со всѣми ея ужасами и неправдами, и созиданіе на его развалинахъ новаго свѣтлаго зданія для незнакомой тогда свободной жизни, незыблемо утвержденной на несокрушимыхъ устояхъ закона и правды. Великимъ зодчимъ этого новаго зданія въ Калужской губерніи былъ В. А. Арцимовичъ, и творчество его по возведенію этого зданія было однимъ изъ наиболѣе высокихъ и наиболѣе достославныхъ актовъ свыше 50-ти лѣтней обширной и образцовой на всѣхъ поприщахъ дѣятельности этого историческаго человѣка.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ воспроизведеніе Калужской дѣятельности его во всемъ обширномъ объемѣ ея. Этотъ нелегкій трудъ исполненъ частію другими современниками В. А. Арцимовича и частію мной въ другихъ моихъ очеркахъ. Здѣсь же я имѣлъ въ виду дать лишь посильный общій контуръ духовной природы В. А. Арцимовича и руководящихъ принциповъ его дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ провести параллель между нимъ и его предшественниками. Параллель эта наглядно покажетъ, что В. А. Арцимовичъ въ Калугѣ, также какъ потомъ въ судебномъ вѣдомствѣ, заявилъ себя тѣмъ же „Монбланомъ“, какъ мѣтко охарактеризовалъ его А. Ѳ. Кони.

Калуга была знакома уже В. А. Арцимовичу, и онъ нѣсколько былъ знакомъ ея старожиламъ, когда въ 1842 г. пріѣзжалъ, въ составѣ канцеляріи сенатора Бѣгичева, для обревизованія губерніи въ управленіе бывшаго тогда губернаторомъ честнаго, но взбалмошнаго и недѣловитаго Н. М. Смирнова, мужа извѣстной въ исторіи нашей литературы „Калужской губернаторши“ А. О. Смирновой. Но тогда В. А. Арцимовичъ пріѣзжалъ скромнымъ, совсѣмъ еще юнымъ чиновникомъ въ свитѣ сенатора, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому

---

[1]) При губернаторѣ кн. Н. Д. Голицынѣ весь нижній этажъ губернаторскаго дома, гдѣ прежде размѣщались канцелярія и квартира правителя ея, занятъ подъ жилье губернатора, а канцелярія помѣщается въ наемномъ обывательскомъ домѣ.

назадъ окончившимъ образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія. А теперь явился онъ губернаторомъ, начальникомъ губерніи, какъ назывались тогда губернаторы, властелиномъ цѣлаго обширнаго края, облеченнымъ обширными полномочіями представителемъ верховной власти. Прежде всего общее вниманіе калужанъ привлекали въ немъ могучая, мужественная фигура его и въ 38 лѣтъ совсѣмъ бѣлая голова при молодомъ, свѣжемъ лицѣ. Много, очевидно, передумала, крѣпко поработала эта голова, что такъ рано нажила полную сѣдину волосъ, и думала думы, очевидно, одни лишь высокія, добрыя, хорошія. Эта мозговая работа отразилась, какъ въ зеркалѣ, на открытомъ, мыслящемъ, умномъ лицѣ, въ глубокихъ, серьезныхъ, проницательныхъ, добрыхъ глазахъ, въ величавомъ спокойствіи и въ простотѣ и естественности манеръ и движеній. Поражала въ немъ также замѣчательная ровность въ обращеніи со всѣми, кто входилъ въ сношеніе съ нимъ, и полнѣйшее самообладаніе. И всесильные у себя представители отдѣльныхъ частей мѣстной администраціи, и представители крупнаго рабовладѣнія и капитала, и мелкій чиновникъ, и заурядный обыватель, и безправный еще тогда крестьянинъ,—всѣ пользовались одинаково равнымъ пріемомъ и одинаковымъ вниманіемъ, никому ни малѣйшаго оттѣнка предпочтенія или невниманія. Всѣ видѣли, что новый губернаторъ имѣетъ дѣло лишь съ людьми, съ членами общества, и съ ихъ дѣлами и нуждами, и совершенно игнорируетъ искусственное дѣленіе людей на общественныя перегородки. Всѣ также увидѣли съ незнакомымъ имъ изумленіемъ, что губернаторъ искусственно не создаетъ себѣ ритуала изъ своего высокаго положенія, не гримируетъ себя юпитеромъ или сфинксомъ, не отпугиваетъ, не отталкиваетъ отъ себя высокомѣріемъ, раздражительностью, напускной сухостью, черствостью, и не старается также привлечь къ себѣ неискренней, дѣланой ласковостью, заискиваніемъ популярности, а держитъ себя хотя съ достоинствомъ, но просто, спокойно, для всѣхъ доступенъ во всякое время, говоритъ лишь о дѣлѣ, и говоритъ не тратя словъ и времени на ненужную словоохотливость, расточительность въ словѣ, но и не озадачивая ненужной скупостью на-слово, что вообще съ нимъ чувствуется легко и говорится свободно, безъ болѣзненной спазмы въ горлѣ, безъ заплетанія языка. Замѣтили также нѣкоторые охотники подмѣчать слабыя стороны губернаторовъ и устраивать свое положеніе потворствомъ этимъ сторонамъ, что новый губернаторъ не ѣздитъ на этомъ конѣ, что у него можно выѣхать лишь на разумномъ, добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей. Отъ губернатора-циника и безцвѣтнаго его преемника достался В. А. Арцимовичу, въ числѣ другихъ чиновниковъ особыхъ порученій, извѣстный въ свое время въ Калуж-

скомъ служебномъ мірѣ своимъ оригинальнымъ умомъ и нравственной высотой Н. П. Гавриловъ. Присмотрѣвшись къ В. А. Арцимовичу и къ его дѣятельности, онъ, съ свойственной ему рѣзкостью, такъ опредѣлилъ его по сравненію съ губернаторами своего времени: „у насъ губернаторы обыкновенно или дуракъ, или каналья, или то и другое вмѣстѣ[1]). А этотъ—ничего, *настоящій*, нормальный. Съ этимъ стóитъ работать. Я хотѣлъ было бѣжать изъ Калуги, а теперь останусь.“— Общая характеристика губернаторовъ хотя нѣсколько рѣзкая, но по отношенію къ В. А. Арцимовичу чрезвычайно простая и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ вѣрная. Дѣйствительно, это былъ настоящій, нормальный человѣкъ, и настоящій, нормальный администраторъ, какимъ долженъ быть администраторъ.

Вступая въ управленіе губерніей, при пріемѣ представителей отдѣльныхъ частей администраціи В. А. Арцимовичъ не сказалъ имъ никакой вступительной рѣчи, не предъявилъ никакой программы, какой онъ будетъ держаться, управляя губерніей. Прежде всего человѣкъ дѣла, онъ вообще не былъ склоненъ вдаваться въ доктринерское исповѣданіе своихъ принциповъ, своихъ теоретическихъ взглядовъ. Но эта программа, это исповѣданіе его гражданскихъ принциповъ сказались съ первыхъ же дней въ его дѣятельности и въ постановкѣ своихъ отношеній къ дѣлу и ко всѣмъ, кому онъ могъ быть полезенъ своимъ общественнымъ положеніемъ. Онъ показалъ прежде всего, что органъ власти, на какой бы ступени онъ ни стоялъ, не есть нѣчто чуждое обществу, оторванное отъ него, стоящее внѣ его, выше его, слетѣвшее изъ надзвѣздныхъ сферъ, а такой же, равный всѣмъ, членъ общества, такая же единица его, органически связанная съ нимъ общностью происхожденія, интересовъ и цѣлей существованія, всецѣло и нераздѣльно принадлежащая ему, такая же, какъ и всѣ, спица въ общественной колесницѣ; что поэтому въ природу власти никакимъ образомъ не долженъ и не можетъ входить элементъ обладанія

[1]) О неудачномъ подборѣ губернаторовъ даннаго времени свидѣтельствуетъ и цитированный уже мной авторъ „Матерьяловъ“. Съ своей обычной рѣзкостью, онъ прямо говоритъ, что „личный составъ губернаторовъ былъ отвратительный“, что „въ числѣ 45 губернаторовъ, за исключеніемъ сибирскихъ и кавказскихъ, 24 должны быть смѣнены безъ малѣйшаго замедленія, изъ нихъ 12 какъ всѣмъ извѣстные... „мошенники“, а 12 по сомнительной честности и совершенной неспособности“ (т. II, стр. 462). Представитель подобнаго типа губернаторовъ воспроизведенъ въ „Запискахъ жандарма“ („Русская Старина“, май 1897 г.). Образчики такихъ дореформенныхъ губернаторовъ находятся въ изобиліи у Щедрина, который, во время своей службы въ разныхъ губерніяхъ, непосредственно наблюдалъ современныхъ ему представителей высшей губернской администраціи.

обществомъ, подавленія своимъ положеніемъ равныхъ себѣ единицъ, а что въ понятіи власти конкретно заключается элементъ обладанія лишь извѣстной компетенціей для отправленія той или другой функціи въ общественной жизни, въ дѣятельности общественнаго механизма, для достиженія всѣми составляющими его колесами и винтами гармоническаго строя, порядка въ жизни, что это именно, а не другое какое-нибудь понятіе о власти заключается уже въ самомъ терминѣ власти, который имѣетъ свое начало въ словѣ владѣть, происходящемъ въ свою очередь отъ слова ладъ, строй, порядокъ, и въ общемъ означаетъ участіе въ дружномъ, совмѣстномъ созиданіи уло̀женія, упорядоченія разнородныхъ элементовъ общества и въ направленіи совокупной дѣятельности ихъ къ единой общей цѣли—къ добру. Изъ этого общаго, основного понятія о власти, какъ изъ зерна, логически исходили у В. А. Арцимовича и всѣ дальнѣйшія представленія о практическомъ осуществленіи власти, и имъ же объясняется вся система, весь образъ и характеръ дѣятельности его. Такъ какъ онъ не выдѣлялъ себя изъ общества, а ставилъ себя въ его ряды, а цѣль существованія общества заключается въ стремленіи къ осуществленію высшихъ человѣческихъ идеаловъ, и такъ какъ достиженіе этой цѣли лежитъ на обязанности каждой общественной единицы въ предѣлахъ компетенціи, предоставленной ей по избранію ли самого общества, или по указанію верховнаго его представителя, то, по представленію В. А. Арцимовича, на немъ, какъ и на всякомъ другомъ органѣ власти, лежитъ не одно лишь право ношенія власти и пользованія ея преимуществами, но прежде всего долгъ передъ обществомъ употреблять ее для достиженія общей цѣли существованія общества, служенія его разумнымъ и чистымъ потребностямъ и устраненія всего, что мѣшаетъ, задерживаетъ достиженіе этой цѣли, то̀, что̀ собственно и называется службой обществу въ высшемъ значеніи этого слова. Такъ что, по взгляду В. А. Арцимовича, служба не есть безпочвенное, безсодержательное, абстрактное понятіе, тѣмъ менѣе только форма механическаго, мертваго отбыванія жизни и матерьяльное средство для ненужнаго, безполезнаго зоологическаго существованія, а еще менѣе средство для удовлетворенія нечистыхъ, низменныхъ властолюбивыхъ или корыстолюбивыхъ вожделѣній и цѣлей, а служить средствомъ для налагаемаго самой природой общежитія на каждую общественную единицу долга влагать свою долю участія въ совокупную работу общества и тѣмъ отплачивать ему долгъ за получаемыя отъ него удобства и благо принадлежности къ нему и пребыванія въ его средѣ. И такъ какъ благо всего общества есть въ тоже время благо и каждаго отдѣльнаго члена его, въ томъ числѣ и органа власти,

какъ общественной единицы, и такъ какъ вражда къ себѣ самому неестественна—никто не врагъ себѣ, то служеніе обществу органовъ власти должно быть искреннее, преданное, чистое, полное. Этому служенію должны быть отданы всѣ физическія и духовныя силы, всѣ запасы любви, доброжелательства, словомъ весь человѣкъ. И кому природа дала больше этихъ силъ и запасовъ и кого, въ виду бо́льшаго объема силъ и запасовъ, общество поставило въ своихъ рядахъ выше другихъ,—тотъ и да будетъ слугой всѣмъ, и да возлюбитъ ближнихъ своихъ какъ себя самого. И оцѣнка такому слугѣ будетъ не по тому положенію, которое занимаетъ онъ въ рядахъ общества, а по той любви, какую вложилъ онъ въ свое служеніе ему, по той пользѣ, какую оказалъ онъ своимъ служеніемъ...

Этимъ заканчивается очеркъ объ В. А. Арцимовичѣ. Болѣе подробно, какъ упомянуто мною, личность и дѣятельность его, какъ губернатора, очерчены въ статьяхъ Н. В., помѣщенныхъ въ сборникѣ въ память Арцимовича. Хотя послѣдній при ревизіи сенатора Каптера отразилъ ложь, взведенныхъ на него извѣтовъ, но такъ какъ онъ жилъ и дѣйствовалъ въ то шаткое время, когда полоса либерализма смѣнилась полосой реакціи и была возможна замѣна Ростовцева Паниным, Ланского Валуевымъ, то Арцимовичъ былъ принесенъ въ жертву Молоху своего времени. Ненавистники крестьянскаго дѣла своими интригами, извѣтами и клеветами, распространяемыми въ Калужской губерніи и доведенными ими до петербургскихъ вершинъ центральнаго управленія, съумѣли послѣ ревизіи отстранить Арцимовича отъ крестьянскаго дѣла и онъ перемѣщенъ былъ на постъ сенатора въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ сената. Затѣмъ принималъ участіе въ Учредительномъ Комитетѣ временъ Н. А. Милютина по устройству крестьянъ въ Польшѣ, гдѣ выработаны были имъ сборники разныхъ матеріаловъ для составленія законовъ для этой страны. Оставивъ занятія въ Варшавѣ, Арцимовичъ сталъ сенаторомъ одного изъ кассаціонныхъ департаментовъ, а потомъ состоялъ первоприсутствующимъ одного изъ департаментовъ стараго Сената. См. кн. „Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія.—Характеристики“. СПБ. 1904 г.

Сообщилъ **Л. Ѳ. Снегиревъ.**